

Авдотья доживала последние дни. Это знали все, только не говорили ей. Но Авдотья и сама догадывалась — трудно думать иначе на девятом десятке лет, да при таком плохом здоровье, как в это лето.

Старуха почти не вставала с постели, а если и случалось такое, то передвигалась с помощью дочки Катерины или шла сама медленно, осторожно, держась руками за переноски. Сильно болело в груди, и каждый день фельдшер из медпункта Галина Сергеевна, приходя к бабке, делала ей обезболивающие уколы.

В хорошую погоду Авдотью выносили на улицу и укладывали на раскладушке под старой черемухой, посаженной в тот далекий, но памятный год, когда ее, молодую Дуняшу, вводил хозяйкой в новую избу красивый и сильный Степанкузнец.

Дом стоял на невысоком берегу Кокшеньги, у старой мельницы, которая давно не работала и тоже доживала свой век. Жила Авдотья с

Екатериной вдвоем. Но каждое лето к ним приезжал в отпуск из Москвы младший сын Катерины Михаил с женой и маленьким Бориской. Нынче они опять гостили здесь.

Был нежаркий день начала июня, когда старая Авдотья заняла свое место под черемухой. Михаил еще рано утром ушел с удочкой вниз по Кокшеньге. Катерина со снохой Людмилой хлопотала в огороде. Только трехлетний Бориска, вообразив себя шофером, играл с игрушечным самосвалом. О многом за эти дни передумала Авдотья, многое вспомнила. Рада была она, что ее долгая жизнь прожита не зря. Все дети давным-давно выросли, и не ее вина, что не все они сейчас рядом с ней. Счастлива и от того, что дожила до правнуков — третьего их со Степаном колена: Шурка... Танюшка... Бориска...

"Бориска?..." — Авдотья повернула голову и посмотрела туда, где играл маленький правнук. Но там его не было. На песке только само-



свал лежал вверх колесами. Авдотья посмотрела в другую сторону, но и там не увидела Бориски. Она забеспокоилась, приподнялась с подушек и ужаснулась: малыш играл в воде.

Она знала: у самого берега мелко, но в десяти шагах был глубокий обрыв — "илькина ямка", как исстари называли это место.

— Катерина, Людмила. Бориска-то в воде. Не утонул бы... Никто не ответил.

— Люди... — изо всех сил закричала Авдотья. Но это ей только казалось, что она кричала. Сдавленный хриплый голос не слышал никто.

А Бориска, брызгаясь водой, уходил все дальше и дальше в реку.

С большим трудом Авдотья встала с постели и схватилась за ствол черемухи. Рядом с деревом — палисад. Держась за колья, старуха добралась до его края. Больше опоры не было. Тогда Авдотья опустилась на землю и поползла.

— Бориско... Боренька... Дитятко, родной мой, иди ко мне, внучек. Ой, господи, — кричала, плача, Авдотья.

Малыш ее не слышал. Он шлепал по воде ручонками, поднимал веер брызг, в которых радугой отражалось солнце, и это его забавляло. Бориска смеялся, что-то радостно кричал, совсем не подозре-

вая об опасности. И все дальше уходил от берега. Еще шаг, еще... И вдруг громкий протяжный крик реванул над рекой воздух. Это из груди Авдотьи вырвался отчаянный вопль. Она рывком вскочила на ноги и бросилась в реку. Авдотья бежала по мелководью, спотыкалась и падала, но каждый раз она снова поднималась и устремлялась к Бориске.

А тот, услышав крик, обернулся, да так и застыл, испуганно глядя на бежавшую к нему бабушку с искаженным болью лицом, покрытым мокрыми прядями.

Авдотья схватила Бориску. С ребенком на руках старуха кинулась обратно, но до берега не дошла. Она упала, успев только выбросить на мокрый песок внука.

На крики и плач Бориски сбегались люди. Бездыханное тело старой Авдотьи лежало в воде. На песке возле седой головы старухи плакал спасенный Бориска. Его все еще крепко держали пальцы прабабки Авдотьи.